

Е. В. АНИСИМОВ

Генерал Багратион. Жизнь и война

<Фрагменты>

<...> В начале июля в Главной квартире решалась судьба армии. Сам Александр в тот момент, по словам А. А. Щербинина, «начинает сомневаться, созывает военный совет, коего все члены... доказывают, что лагерь этот должен быть погибелью и гробом нашей армии». Как писал Армфельдт, решающим стало обращение к императору семнадцати генералов, собравшихся 1 июля у генерала Тучкова 1-го¹. Обсудив ситуацию, они единодушно просили государя отправить Фуля в отставку и срочно переменить план действий. Александр I прислушался к мнению генералитета и согласился на отступление армии вверх по Западной Двине, к Полоцку, а потом к Витебску и Орше — месту предполагаемой встречи с армией Багратиона. В тот же день армия покинула лагерь на Дриссе. Вскоре возле него показались французы. С опаской они приближались к внушительным земляным укреплениям. «У многих, вероятно, — писал француз доктор Роос, — тогда при приближении к этому необыкновенной высоты окопу, имевшему значительное число амбразур, тревожно билось сердце. Чем ближе подходили мы к укреплению, тем тише мы становились, не слышно было ни стука оружия, ни отхаркивания, ни кашля, ни одна лошадь не ржала. Каждую минуту мы ожидали огненный привет со стороны этого окопа. Вдруг тишина сменилась каким-то бормотанием и затем перешла в хохот. Не оказалась ни (одной) пушки, ни солдата в этом колоссальном окопе». Французы, занявшие лагерь тотчас его разрушили.

По-видимому, именно тогда, после ухода из Дрисского лагеря, навсегда закончилась полководческая деятельность Александра I. Несомненно, он был уязвлен уничтожающей критикой плана Фуля со стороны большинства генералов. Ведь это был в сущности его, императора, взлелеянный долгими раздумьями и советами с Фулем,

план, хотя, по мнению В. М. Безотосного, здесь не обошлось без «византийства»: известно, что император Александр, никому никогда не доверявший, вряд ли мог ставить только на Фуля, фигура прусского генерала «была выбрана как подходящий объект критики военных кругов... генералитет ругал не императора, а его глупого советника» и что на самом деле план Фуля должен был маскировать подготовку к наступательной войне. Приведенная исследователем версия кажется вероятной, но излишне усложненной — в жизни обычно все выглядит проще — недаром армия в конечном счете пришла в лагерь, придуманный Фулем и одобренный государем. Для нашего сюжета важно, что общий протест генералитета не только переменял прежнее намерение царя засесть в лагере и совершать выпады против Наполеона, но и похоронил тот план «фланговых ударов» 2-й армии, которому всеми силами сопротивлялся Багратион. Как осторожно пишет А. Х. Бенкендорф², заботясь о явно подмоченной репутации Александра I как полководца, «император, слишком скромно еще оценивавший собственные военные способности, поверил в этом отношении голосу своей армии и, к счастью, покинул Дрисский лагерь, предав его общей критике».

И здесь мы должны отдать должное русскому императору, который не упорствовал в следовании своему плану, а, переступив через гордыню, имел мужество отказаться от него — и от плана, и от Фуля. А ведь мог, между прочим, пренебречь, как самодержец, мнением профессионалов и наверняка угробил бы в этом месте армию, а вместе с ней и Россию. Примечательно, что еще накануне Александр не только принял решение дать генеральное сражение, но даже приурочил его к юбилейной дате — дню Полтавской победы 27 июня 1709 года, о чем известил войска особым указом: «Русские воины! Наконец, вы достигли той цели, к которой стремились... Нынешний день, ознаменованный Полтавской победой, да послужит вам примером! Память победоносных предков ваших да возбудит к славнейшим подвигам. Они мощною рукою разили врагов своих, вы, следуя по стезям их, стремитесь к уничтожению неприятельских покушений на веру, честь, отечество и семейства ваши. Правду видит Бог и ниспошлет на вас благословение Свое». Вскоре оказалось, что царский указ оказался пустым звуком, планы переменялись — Дрисский лагерь был признан ловушкой и его поспешно покинули. Увы! Битвы в день Полтавского юбилея не произошло.

<...> Долг императора: не заключу постыдного мира. Итак, 7 июля, когда армия достигла Полоцка, Александр незаметно покинул войска и уехал в Смоленск и далее в Москву. Это не было поступком труса

(напрасно обвиняла в этом государя его младшая сестра Екатерина Павловна), в отъезде царя было заложено разумное, рациональное начало. Накануне он получил подписанное тремя своими приближенными (А. А. Аракчеевым, А. Д. Балашовым и А. С. Шишковым) письмо, авторы которого призывали государя покинуть армию и не рисковать собой, во имя предстоящей, несомненно, долгой борьбы с неприятелем. Они писали, что страна нуждается в организации длительной обороны, а подданные — в моральной поддержке, ибо при малейших успехах неприятеля «сама внутренность государства, лишенная присутствия государя своего и, не видя никаких оборонительных в ней приготовлений, сочтет себя как бы оставленной, и впадет в уныние и расстройство, тогда когда бы, видя с собою монарха своего, она имела сугубую надежду: первое — на войски, второе — на внутренние силы, которые, без всякого сомнения, мгновенно составятся окрест Главы Отечества, Царя». Другая причина, по которой советники считали отъезд государя необходимым, состояла в том, что император, находясь при войсках, не предводительствует ими, передав начальство военному министру, но тот, в присутствии государя, «не берет на себя в полной силе быть таковым с полной ответственностью». Пожалуй, именно в осознании этого факта и заключалась главная причина решимости Александра покинуть армию. Позже император писал сестре Екатерине, что «пожертвовал для пользы моим самолюбием, оставив армию, где полагали, что я приношу вред, снимая с генералов всякую ответственность, что я не внушаю войскам никакого доверия». Он же писал ей, что хотел вернуться в армию, если бы не Кутузов — «отказался от этого намерения лишь после этого назначения, отчасти по воспоминанию, что произошло при Аустерлице из-за лживого характера Кутузова».

Впрочем, свою выдающуюся роль в этой войне Александр I все же сыграл. Во-первых, он с самого начала войны (и даже до ее начала) принял твердое решение не искать мира с Наполеоном, как бы тяжелы ни были обстоятельства. По словам Г. Ф. Паррота, ректора Дерптского университета, с которым государь виделся в марте 1812 года, Александр сказал ему: «Я, конечно, не заключу постыдного мира, скорее, похороню себя под обломками Империи». Как говорил император чуть позже полковнику А. Ф. Мишо, «Наполеон или я, он или я, но вместе мы царствовать не можем. Я узнал его: он более меня не обманет». Неслучайно, посылая из Свенцяна А. Х. Бенкендорфа к Багратиону, он велел передать главнокомандующему 2-й армии, что «ничто не заставит меня положить оружие, пока неприятель будет в наших пределах». Это же государь повторял много раз, отрезая себе и своему окружению путь назад, к миру с завоевателем. То, что

царь просил передать свою политическую волю главнокомандующему одной из армий, и в такой форме, крайне важно. Тем самым он подтверждал твердость и серьезность своих намерений, пресекал у всех подданных даже тень сомнений в том, что они проливают кровь не ради нового позорного Тильзита, а во имя независимости Родины, Отечества, которому, действительно, грозила смертельная опасность.

Александр осознавал невозможность переговоров с Наполеоном. Даже «мягкий» для России Тильзитский мир 1807 года оказался тяжек и унизителен, «...когда не наши повара//Орла двуглавого щипали//у бонапартова шатра» (А. С. Пушкин). А теперь даже на тильзитский вариант рассчитывать не приходилось. Примеры других, побежденных Францией, стран стояли перед российским императором. Известно, что Александр читал аналитическую записку начальника русской разведки Чуйкевича и, наверняка, был согласен с его оценкой дипломатии Наполеона-победителя: «Не столько страшен Наполеон в самой войне, сколько посреди мира. Народам, вступающим с ним в союзы, перо его опаснее самого меча. Едва заключит с народом мир, то уже и готовит ему в кабинете своем оковы и, до объявления войны, потрясает его основание мерами, в коих он превосходит, расстраивает пружины государственного управления, посеивает в оном раздор, а в областях дух мятежа и неудовольствия».

Впрочем, Александр — опытный дипломат, знал, что никакого нового Тильзита уже не будет, и в случае военной победы Наполеона Россию ждут тяжкие испытания. Действительно, Наполеон готовил серьезнейшие геополитические изменения в Восточной Европе. А. Коленкур писал, что, предвкушая свою несомненную победу, Наполеон говорил ему: нужно «раз навсегда покончить с колоссом северных варваров. Шпага вынута из ножен. Надо отбросить их в их льды, чтобы в течение 25 лет они не вмешивались в дела цивилизованной Европы... В соприкосновение с цивилизацией их привел раздел Польши. Теперь нужно, чтобы Польша, в свою очередь, отбросила их на свое место... Надо воспользоваться случаем и отбить у русских охоту требовать отчета в том, что происходит в Германии... После Эрфурта Александр слишком возгордился. Приобретение Финляндии вскружило ему голову. Если ему нужны победы, пусть он бьет персов, но пусть он не вмешивается в дела Европы».

Александр, исполненный всевозможными аристократическими предрассудками и комплексами, в этот критический момент поднялся над ними, показал себя перед всеми национальным лидером, вождем своих подданных, всех россиян и не побоялся поднять народ на войну, вооружить крестьян, воодушевить их в сущности на «ис-

панский вариант» борьбы с врагом партизанскими методами. До сих пор не оставляют нас равнодушными слова «Воззвания к нации», подписанные Александром I 6 июля 1812 года, то есть вскоре после оставления им Дрисского лагеря. Несколько напыщенный (в стиле того времени) и вместе с тем встревоженный тон воззвания свидетельствует об осознании царем серьезнейшей опасности, нависшей над Россией, говорит о том, что в час испытаний, потрясших империю, он прибегает к помощи народа. Недаром бабка Александра I императрица Екатерина II считала, что за русским народом можно чувствовать себя как за каменной стеной. Когда враг стоял у ворот, власть в России часто искала помощи народа. В этом смысле александровское «Воззвание» чем-то напоминает первые обращения советских лидеров в начале Второй Отечественной войны 1941–45 гг. к народу, вдруг ставшему для них «братьями и сестрами».

В манифесте Александра говорилось: «Враг вторгся в пределы нашей родины и продолжает нести свое оружие в глубь России. Он идет с вероломством, могущим разрушить империю, которая существовала всегда в течение многих поколений; он атакует ее с силой и пытается опрокинуть власть царей объединенными силами Европы. С предательством в сердце и лестью на губах он ищет возможности обмануть доверчивые души и навязать им оковы. Но если пленный разглядит свои цепи под цветами, умысел властелина раскроется сам собой, война ему необходима, чтобы утвердить дело предательства...».

Неясно, что имеется в виду в последнем отрывке. Возможно, Александр таким образом туманно обвиняет Наполеона в вероломном вторжении и измене тем мирным договоренностям, которые были заключены между ними раньше. Возможно, император также опасался, как бы Наполеон не отменил крепостное право и не дал крестьянам свободы на занятых им территориях и тем самым не изменил бы соотношение сил в стране. Мысль о том, что завоеватель может это сделать и тем самым поднять страну на бунт, беспокоила власти. (Тревога по этому поводу проскальзывает в переписке министра полиции А. Д. Балашова и главнокомандующего Москвы Федора Ростопчина). Ростопчин писал Балашову 1 августа: «Наполеон считал на слово свобода, но оно не подействует, и если бы народ и желал ее, то ненависть ко врагу отечества удалит его от соучастия в успехе его намерения и в злобе к нему последний холоп наравне с первым баринном».

Воззвание Александра кончается призывом объединиться, царь обещает, что французы найдут «в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном лице — Палицына (келарь Троице-Сергиева монастыря, героически оборонявшегося в 1610 году от поляков — Е.А.),

в каждом крестьянине — Минина. Благородное дворянское сословие! Вы были всегда защитниками нашего Отечества! Святейший Синод и представители нашего Духовенства, вы во всех условиях призывали своим заступничеством божественное покровительство нашему Отечеству! Народ русский! Бесстрашные потомки Славян! Это не в первый раз, как вы разбиваете зубы тигров и львов, что бросались на вас! Объединяйтесь! Несите крест в ваших сердцах и железо в ваших руках, и никакая земная сила не устоит против вас!».

Наконец, император одобрил идею посылки «летучего корпуса» генерала Ф. Ф. Винценгероде³ с диверсиями по тылам и коммуникациям французов. И хотя задача корпуса состояла в прикрытии фланга 1-й армии, силою обстоятельств он стал выполнять роль партизанского отряда, ведя «неправильную», с точки зрения военной науки и этики того времени, диверсионную, партизанскую войну в тылу врага. Чуть позже ее стали вести малыми соединениями (конными) регулярной армии под командой ставших потом знаменитыми партизанских командиров: Давыдова, Фигнера, Сеславина и других. Все они действовали под непосредственным руководством Главной квартиры...

